

лали, а там уж как решат». Сделать свое дело, не сидеть сложа руки, не мириться — вот что подталкивает этих женщин совершать свой наивный обряд, что подталкивало, должно быть, и наших далеких предков торопить приход весны похоронами чучела зимы в последний день масленицы, хоронить куклу-Кострому в начале лета, чтобы вовремя пролились дожди, чтобы удался лен... Извечное желание человека быть услышанным природой.

Т. С. Шенталинская

СТРАННЫЕ ПОМИНКИ

Все село собралось на годовые поминки в дом Саулаха, чтобы отметить память его отца, всеми уважаемого Хирипса. Днем уже совершились предписанные в этих случаях ритуалы, наступила ночь, а с ней и ночное сидение (*ачапшара*) молодежи у *аншана* — разложенной на тахте одежды покойного. Для ачапшара собралось много юношей и девушек; ночь проходила в веселье, песнях и шутках, в рассказах легенд и сказок, загадывании загадок. Разделившись на два хора, молодежь исполняла песни. Развлечения продолжались до утренней зари. Судя по настроению участников ачапшара, можно было подумать, что в доме происходит свадебное торжество, а не поминальный обряд — событие печальное для близких и односельчан. Однако веселье, шутки и песни сопровождали именно поминальную ночь. Н. С. Джанашиа, описавший этот любопытный абхазский обычай конца XIX в., указывает, что подобные песни исполнялись «только при поминках стариков и старух, отживших свой век»¹.

Если обратиться к этнографическим материалам по некоторым другим народам Кавказа, то тоже можно встретить факты, на первый взгляд не совсем понятные. Так, в церемониях похорон лиц старшего возраста обычай допускал значительное смягчение различного рода траурных установлений. У грузин-гурийцев, например, в тризне по старiku разрешалась мясная пища, недопустимая в поминальном столе в случае смерти молодого человека. У тех же гурийцев траур для близких родственников прекращался на 40-й день, если покойник был преклонного возраста, и соблюдался неизмеримо больший срок, если умирал молодой человек². У другой этнографической группы грузин — хевсур, когда умирал старик, траур соблюдался также не очень строго. «Напротив, — отмечают очевидцы, — в таких случаях хевсуры разрешают себе даже шутки»³. После поминального обеда все расходилось по домам. На ночь же оставались только те, кто по обычаю должен был развлекать родных разными веселыми историями и поддерживать горевший огонь⁴. С. Макалатия замечает, что у мохевцев (грузины-горцы Центрального Кавказа) «смерть молодого вызывает много слез и горя, а старых людей — меньше»⁵.

Приведенных фактов немного, однако достаточно, чтобы обратиться на них внимание и попытаться как-то их истолковать. Здесь выглядит странным не само проникновение в печальную церемонию похорон и поминок элементов веселья и праздничного поведения участников. Такого рода сведения вызывают недоумение в основном по другой причине. Они выступают резким контрастом по сравнению с тем высоким положением, которое занимали лица старших возрастных групп в

¹ Джанашиа Н. С. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми: Абгосиздат, 1960, с. 86—87.

² Цуладзе А. Этнографическая Гурия. Тбилиси: Мецниереба, 1971, с. 132, 134 (на груз. яз.).

³ Камараули А. Я. Хевсурия. Тифлис, 1929, с. 110.

⁴ Там же, с. 109.

⁵ Макалатия С. Этнография картвельских племен, ч. 3. Рукопись докторской диссертации. — Архив Ин-та этнографии АН СССР, д. 77, л. 32.

традиционных кавказских обществах XIX в. В многочисленных этнографических описаниях, посвященных местным народам, этому факту уделялось большое внимание. Впрочем, иначе и быть не могло. Любой мало-мальски внимательный наблюдатель не мог не заметить той значительной роли, которую играли старики на всех социальных уровнях кавказского общества того периода: в семье, патронимии, фамилии, сельской общине.

Авторитет старшего в семье, по крайней мере внешне, был непрерываем. Хозяйственная деятельность домочадцев, их имущественные и личные отношения, — одним словом, все стороны домашней жизни постоянно контролировались главой семьи. В соответствии с этим все события, происходившие в узком семейном мирке, также неизменно подлежали его строгому и окончательному суждению. Восстать против власти отца, поднять на него руку, убить означало совершить одно из самых ужасающих преступлений, которое могло оценить народное правосознание того времени. За него полагалась кара суровая и жестокая — изгнание преступника из семьи и патронимии⁶.

Сородичи старших возрастных групп играли важную роль в функционировании более широких родственных объединений, например патронимий. Так, для решения дел, касавшихся всех членов данной патронимии, собирался своеобразный совет из старейших и наиболее почитаемых ее представителей. После обсуждения вопроса совет принимал решения, которые были строго обязательны для всех остальных сородичей. Особо велика была роль стариков в идеологической жизни своих родственных объединений. Выполнение жреческих функций в семейно-родственных культах было их привилегией. Моления, совершавшиеся в дни традиционных праздников, во время свадеб, родин, похорон, поминок и т. д., возглавлялись ими; они же были владельцами и хранителями культовых предметов. Моления совершались также в коллективах, объединявших лиц, занятых одним видом хозяйственной деятельности: пастухов, охотников, кузнецов и пр. И в этих случаях жреческие функции выполнял старший в данном коллективе.

Однако, пожалуй, наибольшую роль старейшины играли в общественном быту. Это ярко проявлялось в таких важных событиях общественной жизни, как, например, сельские сходы, которые периодически собирались для решения всех возникавших в местной среде дел. На сходах присутствовало обычно все взрослое мужское население данного села, но ведущую роль на них играли опять-таки лица старших возрастных групп. Именно они имели право первыми высказаться по обсуждавшемуся вопросу, определяя во многом направление и ход последующих прений. Другая важная сфера общественного быта, в которой старейшие сохраняли свои прерогативы, — это народное судопроизводство. Все спорные дела, возникавшие в среде сельских жителей решались тут же на основе передававшихся в устной традиции из поколения в поколение адатов — обычных правовых норм, которые охватывали великое множество житейских ситуаций. Признанными знатоками адатов были старики, имевшие за плечами богатый жизненный опыт. Поэтому тяжущиеся стороны старались выбрать в судьи наиболее пожилых и уважаемых лиц. Это давало уверенность, что решения судей будут беспристрастными и справедливыми, вытекающими только из существа разбираемого дела⁷.

Привилегированное общественное положение старших возрастных групп отражалось в соответствующих поведенческих нормах межличностного общения. Старики и пожилые люди пользовались подчеркнутым вниманием и уважением со стороны более молодых общинников.

⁶ См. *Анчабадзе Ю. Д.* «Остракизм» на Кавказе. — Сов. этнография, 1979, № 5.

⁷ О положении старших возрастных групп в кавказских обществах XIX в. см.: *Смирнова Я. С.* Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX—XX вв.). — Кавказский этнографический сборник. I. М.: Изд-во АН СССР, 1955; *Харадзе Р.* Грузинская семейная община. Тбилиси: Заря Востока, т. 1, 1960; т. 2, 1961; *Инал-ипа Ш. Д.* Абхазы. Сухуми: Алашара, 1965; *Магометов А. Х.* Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.). Орджоникидзе: Ир, 1974.

Фактически весь комплекс этикетных установлений был направлен на акцентирование именно этого обстоятельства. Дети и взрослые молодые люди не имели права в присутствии старших садиться и должны были все время скромно молчать до тех пор, пока кто-нибудь из старших не обратится к ним с вопросом. Когда в помещение входил старший, все должны были подняться со своих мест и вновь сесть только после того, как он пригласит их. Всякое мнение, высказываемое стариками, выслушивалось присутствующими с величайшим вниманием и уважением. Любое общественное мероприятие, в котором принимали участие лица разного возраста, всегда протекало при главенствующей роли, хотя бы внешней, пожилых людей. Особенно большие обязанности обычай налагал на молодежь, которая в своих контактах с людьми старших возрастов должна была следовать многочисленным ограничительным правилам и установлениям. Так, молодые люди не имели права первыми здороваться или приветствовать стариков, в присутствии старших считалось непозволительным курить. Беседуя со стариками, надо было тщательно избегать определенных тем; непозволительно, например, было заводить разговор о своем желании жениться или же в шуточной форме говорить на тему о супружеских отношениях⁸.

Таким образом, налицо явное противоречие. При жизни старики окружены подчеркнутым вниманием и заботой, а после смерти на их поминках присутствовавшие демонстрировали как будто явное неуважение к их памяти. Однако вышеприведенный материал о привилегированном положении старших возрастных групп в кавказских обществах XIX в. совершенно исключает подобную мысль. Этому противоречит вся структура семейного и общественного быта народов Кавказа прошлого века. Остается предположить, что странное поведение присутствующих на поминках по старшему было своеобразным ритуалом, а точнее рудиментом очень древнего обычая, имевшего некогда широчайшее распространение в местной среде.

Ряд фактов позволяет предположить, что в данном случае мы имеем дело с глухими отголосками древнего обычая умерщвления стариков, вернее, людей, достигших, по господствовавшему тогда воззрению, преклонного возраста. Этот обычай имел широкую пространственную и временную распространенность по ойкумене, что, несомненно, свидетельствует о его универсальном характере⁹. Авторы письменных источников почти двухтысячелетней давности застали этот обычай реально действующим и на Кавказе. У каспиев, населявших западное побережье Каспийского моря, по сообщению Страбона¹⁰, родителей после 70 лет запирали и умерщвляли голодом. На восточном побережье Каспия этот обычай был отмечен у ираноязычных массагетов, этногенетических предков кавказских алан. О массагетах Геродот пишет следующее: «Когда кто-нибудь очень состарится, все родственники, собравшись, убивают его и вместе с ним разный скот, варят мясо и съедают. Такой конец жизни считается у них счастливейшим...»¹¹. Восточнее массагетов такой же обычай был отмечен у бактрийцев и согдиан, которые выбрасывали живых старых людей собакам, содержавшимся для этих целей. Как указывает Страбон, этот обычай у названных народов был запрещен Александром Македонским. Секст Эмпирик, живший в конце II в. до н. э., отметил подобный обычай у скифов: «У нас закон

⁸ *Мачавариани К. Д.* Некоторые черты из жизни абхазцев. Положение женщины в Абхазии.— Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1884, вып. 4; *Джанашвили М. Г.* Абхазия и абхазцы.— Зап. Кавказского отд. Русского географического о-ва. Тифлис, 1894, т. XVI; *Инал-ипа Ш. Д.* Традиции и современность (по материалам этнографии абхазов). Сухуми: Алашара, 1978; *Бгажноков Б. Х.* Адыгский этикет. Нальчик: Эльбрус, 1978.

⁹ См. *Кулишер М. И.* Очерки сравнительной этнографии и культуры. Спб., 1887; *Велецкая Н. Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М.: Наука, 1978.

¹⁰ *Латышев В. В.* Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. I. Спб., 1890, с. 153.

¹¹ Там же, с. 7.

повелевает детям иметь попечение об отцах, а скифы режут их по достижении 60 лет...»¹². О скифском законе умерщвления 60-летних стариков пишут и более поздние авторы — первых веков нашей эры. Современник Секста Эмпирика Климент Александрийский то же самое указывал в отношении ипербореев (по всей видимости, собирательное название народов, живших севернее Кавказских гор). Они выводили 60-летних стариков за ворота и убивали их¹³. Аналогичные сведения Плутарх сообщает об ессидонах, народе, предположительно населявшем Восточное Предкавказье¹⁴. По свидетельству Исихона Никейского, у лигов существовал обычай, по которому дети сбрасывали с утесов своих родителей, когда они по старости переставали быть полезными¹⁵. Другое кавказское племя — тиваринов (тибаренов), жившее в юго-восточном Причерноморье, также следовало этому обычаю — тиварины сбрасывали со скал состарившихся ближайших родственников¹⁶. Евсевий (IV в.), епископ Кесарии Палестинской, в своем сочинении «Евангельское приуготовление», говоря о влиянии христианского вероучения на нравы разных народов, пишет: «...обычаи всех народов, даже те, которые прежде были дикими и варварскими, облагорожены..., варварские племена... не предадут стариков повешению, как прежде, не едят мяса самых дорогих покойников по старинному обычаю...»¹⁷.

Здесь древний автор зафиксировал момент постепенного исчезновения этого обычая; впрочем, и в сочинениях авторов более ранних эпох мы тоже имеем дело скорее всего уже с сильно трансформированным древнейшим ритуалом. Цитировавшийся нами Страбон, говоря об албанцах — древнем народе Восточного Кавказа, указывал, например, что они «весьма уважают старость не только своих родителей, но и посторонних»¹⁸. Вряд ли албанцы могли бы заслужить столь лестный отзыв Страбона, если бы продолжали практиковать древний обычай в прежних размерах и формах: последний всегда вызывал у античных авторов резко отрицательное отношение. Однако предположить быстрое и повсеместное исчезновение этого обычая из быта кавказских народов тоже было бы неверно. Его рудименты реально существовали в кавказском быту спустя много веков после того, как сам обычай наблюдали здесь античные авторы. Пожалуй, наиболее ярким свидетельством этого можно считать упоминание его у башилбаевцев — одной из групп абазин-шкарауа. «В прежние времена Башлы-Баевцы (башилбаевцы. — Ю. А.), — сообщается в одном источнике первой половины XIX в., — придерживались бесчеловечному обычаю предков зарывать в могилы живых дряхлых, глубокой старости родителей и родственников своих... — все это исполнялось как долг сыновней любви. Ныне (в начале 1850-х годов. — Ю. А.) этот варварский обряд не существует более, он смягчен до шутовства: старых людей мужского пола, лишенных, по дряхлости лет, сил быть полезными для семейства, одевают в женское платье и переводят с процессией в женское отделение, как будто исключая его из рода мужского...»¹⁹.

Отголоски обычая отправления на «тот свет» сохранились также в фольклоре и эпосе народов Кавказа, например в сванских преданиях, легендах и песнях о погибшем охотнике, возлюбленном богини Дали, в осетинском нартовском эпосе²⁰.

¹² Там же, с. 599.

¹³ Там же, с. 597.

¹⁴ Там же, с. 499.

¹⁵ Там же, с. 454.

¹⁶ Там же, с. 657.

¹⁷ Там же, с. 663.

¹⁸ Там же, с. 143.

¹⁹ Швецов В. Очерк о кавказских горских племенах, с их обрядами и обычаями в гражданском, воинственном и домашнем духе. М., 1856, с. 49.

²⁰ Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976, с. 172; Вирсаладзе Е. Б. Грузинский охотничий эпос и поэзия. М.: Наука, 1976, с. 63—64; Басилов В. Н. Новое в исследовании древнейших ритуалов (О книге Н. Н. Велецкой «Языческая символика славянских архаических ритуалов». М., 1978. 239 с.). — Сов. этнография, 1980, № 4, с. 165—166.

Таким образом, все наши материалы говорят о несомненном существовании на Кавказе обычая умерщвления стариков. То, что этот обычай возник в глубокой первобытности, не вызывает сомнений. Породившие его причины также вполне ясны: тяжелая борьба за выживание, которую приходилось вести сообществам первых людей, борьба, в которой могли победить лишь коллективы здоровых и физически крепких индивидов, приводила к тому, что от старых, больных, увечных, одним словом, от всех потерявших по тем или иным причинам возможность вносить свой вклад в совместный труд по необходимости избавлялись²¹. На самых ранних этапах истории это не составляло, так сказать, большого труда. Обреченные просто не могли следовать за кочевавшим первобытным человеческим стадом и, отстав от него, вскоре погибали. Аморфность структуры первых человеческих коллективов, отсутствие в них крепких социальных связей во многом «облегчало» выбывание престарелых и больных членов.

Факторы, породившие жестокую необходимость избавляться от бесполезных членов коллектива, продолжали действовать еще довольно длительное время. Поэтому первые родовые сообщества также были вынуждены следить за тем, чтобы в их рядах находились только работоспособные индивиды. Однако оседлая жизнь вынудила по-новому решать эту проблему. Теперь престарелых сородичей стали либо умерщвлять на месте, либо отводили умирать подальше от поселка²².

Подобная практика продолжалась тысячелетиями и тогда, когда отпала практическая необходимость в выполнении обычая. Причина, видимо, заключалась в том, что обычай умерщвления стариков, как это часто бывает, приобрел идеологическое обоснование, а выработанный стереотип поведения стал ритуалом. Все цитированные нами сведения античных авторов об этом обычае у народов Кавказа свидетельствуют именно о его глубокой ритуализации. Ясно видно, что в большинстве случаев стариков убивали лишь по достижении ими определенного возраста, т. е. в соответствии с установленной в данном обществе верхней границей жизни человека, а не с его реальным вкладом в коллективный труд. Выполнение обычая сопровождалось определенными обрядовыми действиями и радостным эмоциональным настроением всех присутствующих, в том числе и самих старцев. Вспомним опять свидетельство Геродота о массагетах: «Когда кто-нибудь очень состарится, все родственники, собравшись, убивают его и вместе с ним разный скот, варят мясо и съедают. Такой конец жизни считается у них счастливейшим...».

Что же касается конкретной формы идеологического обоснования обычая умерщвления стариков, то, как недавно убедительно показала Н. Н. Велецкая²³, это мог быть культ предков, получивший наивысшее развитие в патриархальных обществах. Во всяком случае, нет сомнений в том, что ритуал умерщвления стариков был весьма заметным праздничным событием в духовной жизни первобытных племен; его же отголоски дошли вплоть до XIX в. в виде не совсем понятных на первый взгляд элементов поминальной обрядности.

Ю. Д. Анчабадзе

²¹ Першиц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М.: Высшая школа, 1974, с. 102.

²² Кулишер М. И. Указ. раб., с. 35—45.

²³ Велецкая Н. Н. Указ. раб.